

Вечером в доме Ли затеяли пир: зарезали и потушили целого петуха. Аромат стоял такой, что слюнки текли. Ли Чжоучжоу сначала обжарил мясо с сахаром для янтарного цвета, добавил пряности, а затем томил в котелке на дровах добрых двадцать минут. Петух вышел на славу: мясо нежное, сочное, но сохранившее приятную упругость.

А уж подливка, смешанная с белым рисом, и вовсе была пределом мечтаний.

Ли Да съел три большие миски кряду, прежде чем отложил палочки. Откинувшись на спинку табурета, он довольно жмурился и тихонько напевал под нос какую-то деревенскую мелодию. Такая жизнь была куда слаще, чем вино Чжу Лаосы.

В семьях, рискнувших весной удобрить поля, царило такое же довольство. Даже из кухни прижимистой госпожи Тянь потянуло запахом мяса, а тётушка Ван и вовсе устроила праздничный ужин. Впрочем, никто в деревне не размахнулся так, как Ли Да — съесть целого петуха за один раз было неслыханной щедростью.

В домах же тех, кто пожадничал, мира не было. То и дело слышались крики и взаимные упреки.

— Я ведь говорил — надо удобрять! — гремел мужской голос. — Теперь посмотри на чужие закрома!

— Да ты сам тогда трусил, — визжала в ответ жена, — а теперь на меня всё валишь! Глаза бы мои тебя не видели!

Звенела посуда, раздавались рыдания. Староста мог прикрикнуть на спорщиков на улице, но как он мог навести порядок за закрытыми дверями?

Пока рис сушился, пришло время готовить суходольные поля. Нужно было вспахать землю и посеять озимую пшеницу. Октябрь — самый тяжелый и изнурительный месяц, но небывалый урожай придал Ли Да сил. Он уверенно вел плуг, а Ли Чжоучжоу шел следом, бросая семена.

Гу Чжао взял на себя все домашние хлопоты: готовил еду, стирал, кормил кур и свиней.

Когда сев был закончен, а рис во дворе окончательно просох, началась долгая работа по обмолоту. Зерно очищали от шелухи дочиستا, просушивали и бережно укладывали в мешки. В конце месяца, сияя от радости, староста отправился по домам для учета. Когда он подошел к воротам семьи Ли, за ним увязалась целая толпа любопытных.

В этом году скрывать успех на заливных полях было невозможно.

День выдался ясным и свежим. Стол из горницы снова вынесли во двор. Староста обменялся с Ли Да и Учёным Гу приветствиями, а односельчане, заглядывавшие через забор, вели себя на диво вежливо.

— Добрый урожай, истинно добрый! — приговаривал староста, не сводя глаз с мешков. — В нашей деревне Сипин появился достойный пример для всех. — Он с улыбкой кивнул на Гу Чжао.

— Это мой долг, — ответил юноша.

Ли Чжоучжоу подал гостям чай, и староста перешел к делу: сколько зерна семья Ли должна сдать в счет налога с десяти му заливных земель?

Сельчане и сами уже прикидывали цифры, но хотели услышать их из первых уст. Старший Ли, не в силах сдержать улыбку, показал на пальцах:

— Вышло почти сорок три дань.

— Вот это да! — ахнула толпа.

Зависти в их голосах почти не было, лишь предвкушение: если у этого хозяйства получилось сейчас, то в следующем году и они соберут столько же.

Гу Чжао помог рассчитать налог — вышло около двухсот восемнадцати цзиней.

— В этом году мы немного опоздали с удобрением, — обратился Гу Чжао к собравшимся дядюшкам. — Если в следующем году подготовимся заранее и выберем верное время, урожай может быть еще выше.

Староста замер:

— Еще выше?

— Да куда уж выше? — усмехнулся кто-то из соседей. — Неужто с одного му можно пять дань собрать? Такого не бывает.

Гу Чжао лишь улыбнулся:

— Я сужу по урожаю пшеницы и опыту отца. Раньше му суходольных земель, которые не удобряли, давал один дань и четыре доу, а с удобрением вышло больше четырех дань.

Ли Да вступил в разговор:

— Мы ведь люди бывалые. В этом году подкормили рис только в сентябре, а в октябре уже жатва — поздно хватились. Но если сделать всё вовремя, — он показал пятерню, — то пять дань вполне достижимы.

Те, кто еще минуту назад сомневался, теперь стояли в оцепенении. Пять дань с одного му? Крестьяне, всю жизнь не вылезавшие из пашни, и помыслить о таком не могли. В сердцах людей боролись неверие и жгучая надежда на будущую весну.

Поговорили о делах, расспросили Учёного Гу о составе удобрений для разных почв. Гу Чжао терпеливо объяснял, что лучше закупить каменный порошок заранее. Если копить мочу слишком долго, запах станет невыносимым, а если добавить гипс, высушить и сделать удобрение — оно сможет храниться долго.

Сельчане мотали на ус. Нужно было торопиться за каменным порошком, пока другие не перехватили. Староста решил: как только сдадут налог в городке Нинсун, он договорится о большой закупке у тех, кто его обжигает, чтобы хватило на всю деревню.

— Правильно, староста! Я заранее деньги сдам! — крикнул один.

— И я! У меня десять му заливных земель!

— У меня пятнадцать, на все буду брать!

Голоса слились в нестройный гул.

— Тише вы! — прикрикнул староста. — Сдадим налог — соберемся на Дабаба, всех запишем. Кто мне не верит — поедет за закупками вместе со мной.

На том и порешили.

В этом году в Сипине около семидесяти семей попробовали новый метод. Пусть кто-то удобрил всего три или пять му, общий урожай деревни вырос несказанно. И налог семьи Ли на этом фоне выглядел особенно внушительно. Зерна было столько, что понадобилась телега. Ли Да договорился со старостой, чтобы отвезти свои двести с лишним цзиней на его волах.

— Продадим зерно — купим себе быка, — сказал Ли Да за ужином.

Ли Чжоучжоу согласно кивнул. Урожая стало много, негоже каждый раз кланяться соседям.

Гу Чжао поинтересовался ценами.

— Теленок стоит пять-шесть лянов, — ответил Чжоучжоу. — Тот, что покрупнее, в самом соку — уже восемь-девять. Всё от стати и зубов зависит.

— Купим молодого, — рассудил Ли Да. — В этом году работа закончена, за зиму откормим, а к следующей жатве он уже в силу войдет.

Гу Чжао на мгновение задумался.

— Отец, а что, если нам купить мула? Он и в поле сгодится, и грузы возить сподручнее.

«Если придется переезжать в окружной город, — размышлял он про себя, — мул в дороге будет куда полезнее быка».

— Мул — это тоже хорошо, — поддержал мужа Ли Чжоучжоу. Хотя крестьяне предпочитали быков за их выносливость, он привык доверять прозорливости супруга. Тот всегда видел на три шага вперед — так было и с одобрением. — Отец, что скажешь?

Ли Да поразмыслил. Мул стоил почти столько же, сколько хороший бык. В пахоте он, может, и уступал, но Гу Чжао дельных советов не давал. Раз уж зять так решил, значит, есть причина.

— Ладно, — кивнул Ли Да. — Пусть будет мул.

***

В начале ноября деревня Сипин отправилась в городок сдавать налог.

Очередь у амбаров выстроилась длинная. Наконец подошел черед Сипина. Староста низко поклонился и протянул записи, робея перед чиновником:

— Господин офицер, вот ведомости по нашей деревне. Налог с заливных земель в этом году составляет...

Грамотный писец начал переносить данные в реестр: «Городок Нинсун, деревня Сипин, сорок восьмой год эры Канцзин, урожай заливных полей, имена глав домохозяйств, площадь му, урожай, сумма налога». Он выкрикивал имя, а стражник вскрывал мешки и проверял зерно. Если всё было верно, чиновник ставил в списке жирный круг красной тушью.

Поначалу всё шло гладко, но вдруг писец запнулся и замолчал. Его напарник удивленно обернулся. Староста мгновенно вспотел:

— Господин, я сам всё проверял! Зерно чистое, всего в достатке... Неужто что не так?

— Тебе слова не давали, — оборвал его стражник. — Стой смирно.

Староста замер, согнувшись в поклоне.

— Тут ошибка, — нахмурился писец. — Зерна не мало. Его слишком много.

Второй чиновник хмыкнул:

— Много — не мало, в чем беда?

— Слишком много! — повторил первый. — Вот этот Ли Да. С десяти му он сдал два дань и два доу.

Ли Да должен был сдать двести восемнадцать цзиней, но привез двести сорок. Налог в Дали был низким, но крестьяне обычно сдавали на один доу больше, чтобы избежать придинок из-за разницы в весах. Однако лишняя сотня цзиней была делом неслыханным. Писец открыл ведомости другой деревни: там с десяти му собирали двадцать один дань и сдавали чуть больше одного дань налога. У Ли Да же значилось сорок три дань урожая.

— А ну, иди сюда! — чиновник подозвал старосту и ткнул пальцем в реестр. — Ты что здесь написал? Ошибся?

— Господин... — староста вытирал пот со лба. — Ли Да с десяти му собрал сорок три дань и один доу. Всё верно записано, не смею я вас обманывать!

— Сорок три дань с десяти му? — писец не верил своим глазам. — Говори правду: неужто какой местный богачей притесняет этого Ли Да, заставляя его сдавать лишнее?

Староста рухнул на колени:

— Никак нет, господин! Ли Да сам здесь, спросите его!

— Встань, — велел чиновник. Увидев испуг старосты, он начал сомневаться. Неужели земля и правда может родить столько? За десять лет службы он не видел ничего подобного.

Ли Да выступил вперед. Рослый и крепкий, он никак не походил на забитого крестьянина. Он обстоятельно рассказал об урожае.

— И что, это удобрение и правда существует? — спросил писец.

— Истинная правда! — закивал староста. — Зять Ли Да, Учёный Гу, вычитал этот способ в книгах. В этом году мы только пробовали, другие побоялись, а Ли Да удобрил все десять му. Вот и результат.

Чиновник сверил записи по другим хозяйствам Сипина — действительно, урожаи были выше обычного. Если доложить об этом начальству, можно получить награду. Скрыв волнение, он велел продолжать.

Когда всё закончилось, староста тяжело вздохнул, чувствуя, как рубаха прилипла к спине.

— Ох и напугали же они меня! Кто ж знал, что за излишек тоже спрашивают. Слава богам, чиновники у нас попались толковые.

— В путь! — скомандовал Ли Да, не желая дольше оставаться в городке.

В этом году семья Ли решила оставить себе шесть дань риса, а остальные тридцать семь продали по казенной цене, выручив четырнадцать лянов и восемьсот вэней. На эти деньги в лавке Ли Да присмотрел двухлетнего мула — статного, с лоснящейся шкурой и крепкими зубами. Поторговавшись, он купил его за восемь лянов.

Оформив бумаги, Ли Да нагрузил на него покупки: вино, сахар, кости... В аптеке он подал записку от Гу Чжао — тот просил особые пряности. Ли Да не стал садиться верхом. Он вел мула под уздцы, неспешно возвращаясь в деревню.

Дом Ли купил мула!

Весть облетела Сипин мгновенно. Завистники ворчали: мол, бык-то в поле полезнее будет, к чему им этот мул? Но Ли Да было всё равно.

В середине ноября наступило долгожданное затишье. Женщины и гэ-эры ходили друг к другу в гости. Син-гэ'эр, баюкая маленького Юаньюаня, зачастил к Ли Чжоучжоу. Его семья в этом году тоже рискнула с удобрениями.

Старший брат Син-гэ'эра поначалу был против, но последнее слово осталось за свекром. Старик долго расспрашивал невестку. Син-гэ'эр не смел ручаться головой, но напомнил: Ли Да удобрил все десять му, а он человек надежный.

Свекор Син-гэ'эра долго колебался. Он вспомнил, как Старик Ли когда-то обделил Ли Да при разделе имущества, выделив ему самые худшие, истощенные наделы. На тех суходольных землях даже просо едва росло — и одного дань не собирали. Но Ли Да за эти годы сумел все исправить. И сколько он собрал в этом году? Четыре дань с му?

Свекор курил трубку всю ночь, а наутро решил удобрить десять му заливных земель. Теперь

он не мог нарадоваться. Свекровь Син-гэ'эра тоже сменила гнев на милость: раньше она и слова не смела вставить, а теперь на каждом углу хвалила невестку. Положение Син-гэ'эра в доме стало незыблемым.

— Иди-ка ты к Чжоучжоу, — говорила свекровь. — Возьми Юаньюаня, поиграйте. В доме сейчас работы немного.

Син-гэ'эр с радостью соглашался.

— В этом году в кошельке прибавилось, — делился он с другом, придерживая сына за руку. — Хочу на днях в городок съездить, купить красной ткани и свежей ваты. Сошью Юаньюаню новый наряд. Смотри, как он вырос!

Юаньюаню пошел уже второй год. В деревне говорили, что после Нового года ему исполнится три — так старались «обмануть» смерть, называя детей старше, чтобы они казались крепче.

— Поедем вместе, — кивнул Чжоучжоу. — Мне тоже нужно кое-что купить. У свёкра дом достраивают, да и у бабушки юбилей скоро — наверняка придут звать на праздник. Нужно заранее подарок приготовить.

Син-гэ'эр понимающе кивнул и вдруг вспомнил:

— Мои родители скоро поедут в окружной город, везут зерно.

— Неужто и второй дядя, и тётя, и Гуанцзун — все едут? — удивился Чжоучжоу.

Каждый год после жатвы Второй Ли вез рис своему брату Ли Чжэнжэню. Тот жил в городе и привык к белой пище. Жена Второго Ли, Лю Хуасян, часто жаловалась на городскую невестку — та, мол, неженка, ест из крошечных чашечек, а гонору-то сколько... Раньше Син-гэ'эр помнил те поездки. Перекупщики в деревне давали цену выше, но были придирчивы и задерживали оплату, поэтому Ли Да предпочитал казенную цену — восемь вэней. В городке рис стоил одиннадцать-двенадцать вэней.

— Тяжелая это дорога, — вздохнул Син-гэ'эр. — Гуанцзуну уже четырнадцать, не думаю, что отец позволит ему всю дорогу в телеге ехать. В городе всё красиво, но ноги в кровь сотрешь. А ночевать приходится у стен, пока ворота не откроют. И дом у дяди крошечный. Стоит мне лишнюю миску риса съесть, как тётка кашлять начинает...

Син-гэ'эр горько усмехнулся.

— В городе всё за деньги. У дяди даже колодца своего нет, воду покупают. А нечистоты по утрам люди специальные забирают. Тётка называет это «ночным ароматом», — Син-гэ'эр фыркнул. — Какой там аромат, смрад один!

Ли Чжоучжоу спросил:

— А почему в городе рис продают?

— По пятнадцать вэней за шэн! — воскликнул Син-гэ'эр. — Вот дедушка с бабушкой и гонят нас каждый год к дяде с этим рисом.

Ли Чжоучжоу прикинул в уме. Вторым дядя с тетей никогда бы не стали делать что-то себе в убыток. Ли Чжэнжэнь и старики обещали Второму Ли со временем пристроить Гуанцзуна в городе, обучить его счетоводству. Мол, через пару лет мальчишка сможет зарабатывать по двадцать лянов в год. Видимо, нынешняя поездка и должна была решить его судьбу.

— Кстати, почему вы купили мула? — Син-гэ'эр сменил тему. — В поле бык сподручнее, все так говорят.

— Муж сказал, что мул лучше, — просто ответил Чжоучжоу.

***

Через два дня прибежал Те-дань. Запыхавшись, он сообщил: дом почти готов, и аккурат к этому времени поспевают шестидесятилетие бабушки Гу. Родители решили объединить два праздника и устроить пир.

Чжоучжоу насыпал мальчишке горсть арахиса и пообещал быть. Вернувшись в дом, он обсудил это с супругом. Гу Чжао хлопнул себя по лбу:

— Совсем я забыл про юбилей бабушки!

Это было шестидесятилетие Старой госпожи Гу. Она была единственной в семье, кто искренне любил прежнего Гу Чжао.

Когда-то он часто навещал её, но с годами учеба охладила его пыл. После его ухода в примачи бабушка единственная воспротивилась этому. Для неё это был позор. Гу Чжао помнил, как в день свадьбы бабушка плакала у ворот деревни, умоляя его передумать. Но Ли Чжоучжоу уже стоял на пороге, и отказ стал бы несмыслимым позором для всей семьи Ли. Кажется, именно тогда он глубоко ранил сердце старушки. С тех пор она не желала его видеть.

— Не казни себя, муж, — мягко сказал Чжоучжоу. — Это я должен был напомнить. Если бабушка сердится — что ж, мы как младшие должны это перетерпеть.

Гу Чжао грустно улыбнулся. Чжоучжоу не знал многих тонкостей семейного уклада, ведь его воспитывал отец-одинец.

— Я не казнюсь, Чжоучжоу. Просто пойду к ней, повинись. Она ведь любила меня. Увидит, как я возмужал, как ты ко мне добр — и сердце её оттаёт.

В тот же день Ли Чжоучжоу отправился к Син-гэ'эру. Свекровь того встретила его необычайно ласково, усадила за стол и угостила сушеными финиками. Син-гэ'эр вышел к гостю, немало удивившись: Чжоучжоу и его суровая свекровь мирно беседовали!

— Тётушка, — обратился Чжоучжоу к женщине, — у моей бабушки юбилей. Хочу сшить ей теплую ватную кофту, да не знаю, какой цвет ей по душе, какой размер...

Свекровь Син-гэ'эра поначалу не поняла, но гость пояснил: «Это для бабушки Гу».

— А-а, для бабушки Гу! Шестьдесят? Не толстая и не худая, ростом с меня. Приноси ткань, я тебя всему научу.

— Спасибо большое, тётушка.

— Да брось ты! Поезжайте завтра в городок, а Юаньюаня я на себя возьму.

Проводив Чжоучжоу, женщина еще долго хвалила его перед невесткой:

— Смотри, какой Ли Чжоучжоу почтительный! О бабушке мужа печется так, будто она ему родная. А Ли Да и его родители в городе еще локти кусать будут, что такого парня упустили!

<http://bllate.org/book/15349/1422519>